

**РЕФЛЕКСИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ПРЕДМЕТА САМОБИТНОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Как сами русские мыслители, явившие миру уникальную самобытную философию, рассматривают ее предмет на языке самоописания? Представим наиболее авторитетные версии такого самоопределения, обращаясь к трудам русских славянофилов и западников. Отметим также, что сегодня в специальных исследованиях русскую философию до XVIII в. называют духовным любомудрием, а российскую самобытную философию – отечественным любомудрием. Это позволяет избежать крайностей понимания русской философии как религиозной и литературно-художественной, а российской философии – как светской и научной.

Первым опытом систематизации отечественного любомудрия стала «Русская философия» архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского) (1795–1868). Ее национальной особенностью он назвал сочетание веры и знания, рассудочности и набожности. Проследил зарождение русской христианской мысли со времени принятия Русью православия. Именно разработка всеобъемлющего христианского мировоззрения, морального по своей сути, была делом жизни русских мыслителей, по их признанию. «Русская философская мысль бессильна творить в стихии рационализма» (В. Ф. Эрн) и творит только в стихии божественного предопределения.

Об этом писал в работе «Русская философия» один из видных ее представителей А. Ф. Лосев (1893–1988): «Русская самобытная философия представляет собой борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio*

и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом». «Русской философии, в отличие от европейской, чуждо стремление к систематизации взглядов. Она представляет собой интуитивное, чисто мистическое познание сущего. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, которая берет начало в общем духе времени, со всем его порядком и хаосом. Художественная литература является кладезем самобытной русской философии» (А. Ф. Лосев).

Между тем, философы-западники отказывали самобытной философии в самостоятельном развитии, подчеркивали ее всецело заимствованный характер. Г. Г. Шпет (1879–1937) в работе «Очерк развития русской философии» рассматривал ее «ученические этапы»: «невегласие», «около школы», «по прописям», «по линейкам», «первые испытания», «первые ученики». «Невегласие есть та почва, на которой произрастала русская философия. Не природная тупость русского в философии, не отсутствие живых творческих сил, не неспособность к научному аскетизму, а исключительное невежество не позволяло русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексию. Неудивительно, что на такой почве произрастала философия бледная, чахлая, хрупкая. Удивительно, что она все-таки росла» (Г. Г. Шпет).

Противоположной точки зрения придерживался автор фундаментального двухтомного труда «История русской философии» В. В. Зеньковский (1881–1962). «Кроме языковой изолированности, отсутствия прямых связей с античностью была в церковном сознании русском дополнительная причина медленного пробуждения “логоса”. Период молчания был периодом накопления духовных сил, а вовсе не дремоты духовной». «Это был кризис Византийской культуры в русском духе» (Г.В. Флоровский). «Имело место развитие в пространстве священной истории, затем – вне всякой истории, далее – внутри себя» (В. В. Зеньковский). Русская философия выражалась в иконописи как «умозрении в красках», проявлялась в агиографии (жития святых) и книжности. «Этот процесс периодически нарушался вторжением западной философии и уточнением самой техники философствования, в которой большую роль сыграло неокантианство» (В. В. Зеньковский).

«Если давать какие-либо общие характеристики русской философии, то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична, не космоцентрична – она больше всего занята темой о человеке. Всюду доминирует моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот панморализм, который выразил Лев Толстой, может быть найден почти у всех русских мыслителей» (В. В. Зеньковский). «Вдохновение свободы всегда было дорого русскому уму. Дух свободы никогда не угасал в недрах церковного сознания» (В. В. Зеньковский).

Автор труда «История русской философии» Н. О. Лосский (1870–1965) причислил себя и С. Л. Франка к философам-интуитивистам. О себе сообщил следующее: «В своих книгах Лосский занимался разработкой системы метафизики, необходимой для христианского истолкования мира».

Что касается метафизики всеединства как главного направления русской философии начала XX в., то она представлена в цельном знании о Софии и Богочеловечестве в трудах В. С. Соловьева, в русском космизме. «Цельное знание в русской философии означает не только внутреннюю логику системосозидания, но и проявляется в стремлении постичь цельный духовный опыт. Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей. Только собрав в единое целое все свои духовные силы, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей» (Н. О. Лосский). «Наиболее близка мне идея Богочеловечества, которую продолжаю считать основной идеей русской религиозной мысли» (Н. А. Бердяев).

Кроме того, русская мысль историософична, обращена к вопросу о смысле истории, конце истории. Автор книги «Духовные основы общества» С. Л. Франк (1877–1950) полагает, что главными темами самобытной русской философии являются философия истории и социальная философия с ключевым словом *правда*, в котором сливаются истина и справедливость. В понимании общества мыслитель ориентируется на его духовную основу, в качестве которой выступает триединство: солидарность, свобода, служение.

В работе «Смысл жизни», а книгу с таким названием написал едва ли не каждый русский философ, С. Л. Франк утверждал, что предмет русской философии – смыслоискание, метафизическое познание действительности. «Смысл жизни – в ее утвержденности в вечном»; «Победа над смертью представлялась мне основной проблемой жизни. Смерть я считал событием более глубоким, более основным для жизни, более метафизическим, чем рождение» (Н. А. Бердяев).

Весомым вкладом в самоосмысление русской философии стали труды мыслителей русского зарубежья. Н. А. Бердяев (1874–1948) в работах «Судьба России», «Смысл истории», «Русская идея», «Философия неравенства» связал развитие самобытной философии с «русской идеей». «Русский народ в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной»; «Русские или нигилисты, или апокалиптики».

Рефлексия по поводу самобытной русской философии отразилась как в зеркале в опыте философской автобиографии Н. А. Бердяева, в его книге «Самопознание». Развивая «философию свободы», Н. А. Бердяев отмечает: «Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни

на свободе. Я не должен представляться каноническим типом верующего»; «У нас в России дело шло о последних, предельных, жизненных проблемах». «Моя философия рождается из духовного опыта»; «Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной. Любая философская система, поставившая перед собой великие задачи познания сокровенной сущности бытия, должна руководствоваться принципами христианства».

Повествуя о своей окончательной философии, Н. А. Бердяев отмечает: «Основная метафизическая идея, к которой я пришел в результате своего философского пути и духовного опыта, это идея примата свободы над бытием»; «Русская философия в наиболее своеобразных своих течениях всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования».

«Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре»; «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад? Я принес эсхатологическое чувство судеб истории, которое западным христианам было чуждо. Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства, конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего. Принес также русскую критику рационализма, изначальную русскую экзистенциальность мышления. Русским я считаю также понимание христианства как религии Богочеловечества».

Таким образом, самобытная русская философия, софийная и моральная, по преимуществу православно-христианская, «есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» (В. В. Зеньковский).